

Дальнейшее изучение проблемы даст более полное представление не только об отдельных фактах литературных связей, но и о характере развития и взаимообогащения двух культур.

УДК 82.091

С. К. РОСОВЕЦКИЙ
(Киев)

ШЕВЧЕНКО И ШЕКСПИР: НЕКОТОРЫЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Я хотел воспользоваться возможностями, которые возникают при сравнении некоторых параметров творческого своеобразия Вильяма Шекспира и Тараса Шевченко, а также рецепции в соответствующих национальных культурах их личностей и наследия, для прояснения феномена Шевченко. Понятно, что в обоих случаях мы имеем дело с классикой мировой литературы, только заметно разного калибра: Шекспир – это английский классик, признанный всемирно, влияние его на мировую литературу трудно и осмыслить, Шевченко – бесспорный классик украинской литературы, однако с намного меньшей международной «валентностью»: если отбросить патриотические и/или юбилейные преувеличения, приходится признать, что его влияние ограничено, главным образом, славянским ареалом. Начнем с некоторых особенностей творческого процесса.

Вначале рассмотрим языковой контекст их творчества. Шекспир жил и работал в атмосфере родного языка, на английском он и говорил, и писал, сведения о степени овладения им латынью неясны. Как известно, Бен Джонсон в стихотворении, посвященном памяти Шекспира, свидетельствовал, что тот «плохо знал латынь и еще хуже греческий». На латыни Шекспир уж точно не писал. Языковой контекст литературной деятельности Шевченко был не столь благоприятен. Шевченко в течение нескольких периодов своей жизни жил в почти исключительно русскоязычной среде, писал письма, повести, драмы и дневник на русском языке.

С другой стороны, Шекспир пользовался языком, в значительной мере разработанным его предшественниками, вспомнить хоть бы Дж. Чосера. Считается, что он завершил формирование нового английского литературного языка. Шевченко, как известно, называют теперь одним из основоположников украинского литературного языка нового времени. Иное дело, как соотносятся языки этих писателей с современными литературными языками. Проведем эксперимент. Попросим прочитать неадаптированный сонет Шекспира и стихотворение Шевченко в академическом издании соответственно английского и украинского школьников. Первый будет в затруднении, второй легко прочтет. Результат окажется в явном противоречии с другим экспериментом, который, в отличие от первого, может быть легко проведен любым владельцем академического, не адаптированного издания стихотворений Шевченко. Достаточно завести такой текст Шевченко в компьютер, чтобы он густо украсился красными подчеркиваниями: система проверки орфографии «не признает» весьма многих слов. Несмотря на это, текст будет понятен школьнику – и потому, что речь идет только о фонетических вариантах. А возникли они в связи с тем, что основой личной версии украинского литературного языка у Шевченко был его родной диалект Звенигородщины, в то время как нормы современного литературного языка ориентируются традиционно на полтавско-киевское смешение диалектных особенностей. Что же касается Шекспира, то его язык сохраняет архаизмы и заимствования из старофранцузского, возникшие на более ранних этапах развития литературного языка.

Однако дело не только в этом. Меняется литература, а с нею неизбежно меняется, усовершенствуясь, и её язык. Но если между языком Шекспира и, скажем, его исследователя С. Шенбаума пролегло четыре столетия разработки английского литературного языка в ходе весьма интенсивного и плодотворного развития национальной и англоязычной литературы, то нас от Шевченко отделяют всего полтора столетия, и литературный процесс в украинской литературе был в это время куда менее интенсивным, да и результаты его, что ни говори, несравнимы с первым случаем.

Довольно ярким оказывается и различие в «пространствах интертекстуальности», на которые опирались оба писателя и которые можно было

бы, употребив популярный термин «генетической школы», назвать и глобальными «аван-текстами». Шекспир, в отличие от того же Чосера, не осуществляет путешествий в Италию, не переводит с французского или итальянского. Почти все его заимствования из современной ему мировой литературы основываются на английских адаптациях. С Шевченко было сложнее.

Ведь украинская литература нового времени, перейдя с конца XVIII в. на новый литературный язык и окончательно избрав западноевропейскую модель развития национальной литературы, очутилась в состоянии определенной «неполноты» (Д. Чижевский). В более современных терминах, речь о непропорциональной суженности того сектора общего литературного «пространства интертекстуальности», на который писатель имел возможность опираться в отечественной литературе. С одной стороны, эта заметная бедность отечественного «поля семантических ссылок и использований» (З. Митосик) вынуждала украинских писателей к компенсации за счет устного творчества, фольклора. С другой стороны, она ставила украинскую литературу той эпохи в отношении, математическим языком, «дополнительности» с русской и польской литературами в Восточной Украине, с польской и немецкой – в Западной. Эти литературы выступали как «литературы-посредницы», с помощью которых (через переводы, критические, философские и научные тексты) украинские писатель и читатель (в середине XIX в., как правило, двуязычные) получали из мировой литературы те произведения, которые воплощали идеи и эстетические открытия, недоступные пока еще для литературы отечественной – или хотя бы информацию о них. Из-за популярности в Российской империи во времена Шевченко французского языка и в связи с особым местом, которое занимала тогда французская литература в системе мировой литературы, рецепция последней в Восточной Украине была принудительно «французоцентричной», в то время как западным украинцам «окно в Европу» открывал, в первую очередь, немецкий язык.

Формирование «пространства интертекстуальности» для творчества Шевченко, кроме этих общих факторов, обуславливалось своеобразием его биографии и творческой индивидуальности. Украинский гений практически не владел западноевропейскими языками (самостоятельно освоил начала французского), что заостряло его зависимость от русской и

польской «литератур-посредниц». С драматургией того же Шекспира, например, он был знаком лишь в несовершенных русских переводах того времени, в том числе и услышанных со сцены. Это обстоятельство усиливало важность для него знакомства с некоторыми идеями западноевропейской гуманитарной науки через устное посредничество, и происходило это во время товарищеского, вольнодумного устного общения в кругах украинской, польской и русской интеллигенции. Однако же и Шекспир, не получив, как и украинский поэт, университетского образования, многое, бесспорно, перенимал устно от своих более образованных приятелей. Далее, лишенный в ссылке возможности пользоваться библиотеками, Шевченко чаще всего вынужден был оперировать лишь теми текстами, которые хранил исключительно в памяти, виртуально. Но и пользование библиотеками Шекспиром тоже ведь было ограниченным – и просто потому, что мало было тогда в Англии библиотек.

Вообще же, результаты сравнения лектуры двух гениев, если оно когда-либо будет осуществлено, могут показаться парадоксальными. Мировая литература во времена Шевченко в сравнении с современным, начала XXI века, её состоянием была значительно уже по объему, в частности географическому, обобщающее осмысление её практически ограничивалось западноевропейским регионом и англоязычной литературой Северной Америки. Но еще более бедна она в шекспировские времена, равно как и круг её шедевров, доступных для ознакомления Шекспиру. Лектура Шевченко была огромной (утверждаю это как автор статьи о лектуре поэта для «Шевченковской энциклопедии»), лектура Шекспира – значительно уже, но здесь следует учитывать и конкретные условия его творчества. И на этом фоне – опять яркая параллель: чрезвычайно полное в наследиях обоих писателей воссоздание национального фольклора и внимание обоих к античной и отечественной мифологии и демонологии.

Следующий аспект сравнения – по степени «аллегативности» (термин Ж. Мэтью-Кастелани) творческой манеры. В выразительно аллегативные интертекстуальные отношения творчество Шевченко вступало разве что с фольклором; к Библии как метатексту поэт относился в целом критически и, как ни уважал он В. Шекспира, А. Пушкина и А. Мицкевича, его пиетет к ним не приобрел соответствующей интертекстуальной реализации. Показательно, что даже в ранней поэзии «На вечную память Котля-

ревского» безграничное возвеличивание полтавского поэта (сравним с более поздним, реалистическим, но столь же апологетическим образом И. Котляревского в русской повести «Близнецы») вовсе не предполагало подражания стилистике адресата. Как-то не обращают внимания на то, что в нарративных произведениях Шевченко – от поэмы «Гайдамаки» до русских повестей – никогда не использует сюжеты, заимствованные из литературы, его сюжетика поразительно своеобразна. Исключение здесь составляют, опять-таки, обращения к фольклорным образцам и воплощению глубинных сюжетных структур. Зато у Шекспира ситуация прямо противоположна, и убедительное свидетельство этого – сюжеты самых популярных в настоящий момент трагедий «Ромео и Джульетта» и «Гамлет».

О похожей ситуации можно говорить, и оценивая сравнение жанровых структур литературного наследия писателей. У Шекспира – большое количество драматических произведений, один сборник сонетов и две поэмы. Соотношение тех же жанров в творчестве Шевченко обратно. Если Шекспир был профессиональным актером, то Шевченко – увлеченным театралом и актером-любителем: в Новопетровской крепости поставил пьесу А. Островского «Свои люди – сочтемся!» и сам блестяще сыграл Ризположенского, танцевал трепак в антракте другого любительского спектакля, а в Нижнем Новгороде ставил и освещал «живые картины».

На современной рецепции Шекспира сильно отразилось развитие антистратфордианства. Однако, трезво оценивая сохраненные временем биографические свидетельства, невозможно не заметить бесспорной прижизненной популярности Шекспира. Если бы ее не существовало, для чего печатались бы «пиратские» издания пьес? Зачем тогда сонеты были изданы без ведома автора – даже знаменитое посвящение «W. H» подписано «Т. Т.», (то есть издателем-«пиратом» Т. Торпом)? Но все же можно констатировать, что посмертная слава Шекспира разгоралась медленно, в отличие от славы Шевченка. Если смерть Шекспира не вызывала сохраненных временами литературных отзывов (исключение составляет написанное уже через определенное время стихотворение Б. Джонсона, напечатанное в 1623 г., в Первом фолио), именно смерть Шевченко, перенесение его праха на Украину и захоронение на Чернечей горе стали значительными, громкими событиями тогдашней украинской общественной и

литературной жизни. Общественно-политический аспект понятен, но вот литературный отбрасывает свет на существенную разницу между конечными пунктами прижизненных биографий Шевченко и Шекспира. Во времена Шекспира в Англии просто еще не сложилась социально-психологическая константа, согласно которой отечественный современный писатель становился бы значительной общественной фигурой. Не существовало еще литературного права, просто не было еще в Англии печатной периодики, которая должна была зафиксировать отзывы на смерть стратфордского затворника. Что же касается Шевченко, то в посмертном возвеличивании его молодая украинская национальная культура могла опереться на европейские закономерности экзистенции литературы, которые действовали и в России, а также на поддержку русской прогрессивной прессы и писательского общественного мнения.

Теперь о социальном аспекте. Славу Шевченко среди современников только поддерживали его крестьянское происхождение, прежнее крепостное состояние и царская кара его солдатчиной. Трудно отделаться от впечатления, что публикация в «Народном чтении» автобиографического письма Шевченко, в котором он сообщал, в частности, о продолжающемся крепостном состоянии своих братьев и сестры, была очень удачным пиар-ходом, предпринятым в связи с выходом из печати второго издания «Кобзаря».

Все же антистратфордианство основывается на нежелании принять, что гениальный писатель мог не получить университетского образования, мог не быть аристократом. Как-то забывают, что у гипотетического аристократа не могло быть такого мощного стимула к драматургическому творчеству, как у актера Шекспира, стремящегося обеспечить полноценным репертуаром лондонские театры, в которых был пайщиком. Относительно же деликатного аспекта дела, того обстоятельства, что Шекспир был сын процентщика и сам процентщик, что мешает нам поставить вопрос: а разве теперь в Англии банкиру и сыну банкира перекрыта возможность литературной карьеры? Хоть англичане остались во многом снобами, но что-то в ментальности изменилось.

Успех же Шевченко в петербургском высшем свете объясняется неповторимостью социальной и этнокультурной ситуации, сложившейся в Российской империи в середине XIX ст. Не только Шевченко, но и Чер-

нышевский был звездой аристократических салонов, а культ революционера на протяжении еще полувека после смерти Шевченко оставался составной частью интеллигентской ментальности. Что же касается любопытства (не без оттенка покровительства свысока) к украинской культуре, то еще в 40-е годы императрица Александра Федоровна, та самая, которую Шевченко высмеял в поэме «Сон *Комедия*», а впоследствии проводил к могиле жестокими строками стихотворения «Хотя лежачего не бьют...» была ценительницей украинского в литературе. Как оказывается, она с удовольствием слушала, как ей читали повести Г. Квитки-Основьяненко, нравился ей и «Тарас Бульба» Гоголя.

Наконец, последнее. Когда антистратфордианство отрицает лишь авторство известного нам Шекспира как личности, не пороча его тексты, то огульное шельмование Шевченко в писаниях Бузины имеет другую природу. Во-первых, оно направлено не только на личность, но и на творчество Шевченко – и не только писателя, художника также. Во-вторых, не стоит бы и вспоминать здесь этой макулатуры, когда бы она не была проявлением другой тенденции. Такое отрицание Шевченко можно было бы понять, если бы оно происходило, как уже это бывало, внутри украинской литературы (сравни желание футуристов «сбросить Пушкина с парохода современности»), однако О. Бузина позиционирует себя как борца против притеснений русской культуры на Украине. Возникает очень неприятное ощущение провокации и национальной неполиткорректности. Едва ли такая коллизия вокруг Шекспира в Англии возможна.